

В.К. Косс

Я ПОДПИСАЛА
КОНТРАКТ
С ДЬЯВОЛОМ.

*Готовься,
мой муженек!*

18+

18+

В.К. Косс

**Я подписала контракт с дьяволом.
Готовься, мой муженек!**

«Автор»

2026

Косс В.

Я подписала контракт с дьяволом. Готовься, мой муженек! /

В. Косс — «Автор», 2026

Семь лет я помогала мужу строить семейный бизнес. Придумывала проекты, спасала сроки и верила, что у нас всё общее. Пока не узнала: у него есть другая женщина, а у моей работы — новый автор. Илья ждал, что я устрою скандал. Потом подпишу нужные бумаги и тихо уйду. Я подписала другие. Марк Ракитин, которого в деловых кругах зовут дьяволом, предложил мне девяносто дней и ресурсы для ответного хода. Взамен ему нужны были мои знания и честный отчёт о компании мужа. Ни слова о чувствах. Ни права решать за меня. Только рядом с этим человеком я снова захотела доверять. И слишком поздно спросила себя: всё ли он рассказал о цене нашей сделки? Готовься, мой муженёк. На этот раз условия выбираю я.

Содержание

Глава 1. Чужой автор	5
Глава 2. Собеседование у дьявола	10
Глава 3. Право на отдельное мнение	16
Глава 4. Цена тишины	21
Глава 5. Стена, которой нет	26
Глава 6. Исходящий номер	31
Глава 7. Парадный сервис	36
Глава 8. Кому здесь жить	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

В.К. Косс

Я подписала контракт с дьяволом. Готовься, мой муженек!

Глава 1. Чужой автор

Мой муж целовал Софью возле кухонного острова, который я придумывала для людей, любящих завтракать вместе.

Она сидела на столешнице, упираясь каблуками в нижний фасад. Накануне я полчаса объясняла сборщику, почему здесь нельзя оставлять царапины: в пятницу приедут фотографы. Сейчас одна тонкая шпилька медленно чертила по матовому дереву, а я почему-то смотрела именно на нее.

Илья поддерживал Софью за затылок. Очень знакомо, чуть отводя волосы от шеи.

Я остановилась за раскрытой дверью. В руках был картонный тубус, на плече — сумка с рулеткой, образцами затирки и яблоком, которое я обещала себе съесть вместо обеда. Обычное утро главного архитектора. Семь тридцать восемь.

— После собрания ты ей скажешь, — произнесла Софья.

Это был не вопрос.

Илья ответил слишком тихо. Она отстранилась, придерживая его за расстегнутый ворот рубашки.

— Я больше не хочу прятать свои вещи, когда она приезжает.

За моей спиной щелкнул датчик освещения.

Я сделала шаг назад, прежде чем успела решить, что делать. Свет в коридоре загорелся целиком, но через открытую дверь меня еще не было видно. Рядом находилась ниша с лестницей в техническое помещение. Я свернула туда и прижалась ладонью к прохладной стене.

Муж сказал:

— Я же попросил. До пятницы никаких разговоров.

Кто-то провел по столешнице чашкой.

Я стояла между ведром с засохшей грунтовкой и коробкой аварийных светильников. На одном ботинке развязался шнурок. Я наклонилась, завязала его и обнаружила, что узел получился совершенно нормальный. Значит, руки еще слушались.

Вчера Илья прислал мне фотографию из машины: темная дорога, огни заправки, край руля. «Только выехал из Москвы. Не жди». Я ответила сердечком и положила ему на тарелку два сырника, прикрыв другой тарелкой, чтобы не подсохли.

Сырники до сих пор стояли на нашей кухне.

Из лофта донесся смех. Я поднялась по двум бетонным ступеням, открыла служебную дверь и вышла во двор.

Ранний ветер принес запах мокрой листвы и хлеба из маленькой пекарни напротив ворот. Фабричная труба уходила в белое небо. На наружной стене блестела полоса нового медного водостока: его еще не успели обжечь дождями.

Я знала здесь каждый неудачный стык. Могла с закрытыми глазами пройти от въезда к котельной, не задев торчащую арматуру у старой весовой. Помнила, где весной собиралась вода и в каком окне Павел велел пока не снимать временную распорку.

Внутри моего брака я, оказывается, ориентировалась хуже.

— Алина Сергеевна?

Сторож вышел из будки с пакетом мусора.

— Доброе утро, Виктор Петрович.

— Вы чего через подсобку? Главный вход открыт.

— Макет забыла. Сейчас заберу в бюро.

— Так он наверху, в лофте.

— Помню.

Я улыбнулась ему и пошла к административному корпусу. От улыбки заняла челюсть.

В нашей комнате было холодно. Уборщица раскрыла фрамугу и оставила на подоконнике сложенную тряпку. Мой стол стоял у окна, Павла — возле шкафа с касками. На стуле лежал конверт из плотной бумаги.

«Алине. Подпись до 16:00».

Почерк Ильи я узнала сразу: завышенная перекладина у буквы т, резкий хвост последней цифры. Когда-то он писал мне записки на чеках из продуктового. «Купи что-нибудь красивое. Кроме дюбелей».

Я повесила пальто на спинку стула, села и открыла конверт.

Сверху лежала презентация «Красильни». Мой ракурс со стороны двора. Я сама ездила за этой съемкой в конце апреля, когда во время дождя под ногами расплзлась глина. Фотограф все время пытался убрать влево невысокий корпус Б, а я заставила оставить: без него фабрика становилась нарядной картонной декорацией.

Под названием стояло:

«Автор концепции и руководитель проекта — Илья Корнеев».

Я перевернула лист.

Дальше шла моя схема первого этапа. Зеленые помещения — действующие мастерские, желтые — реконструкция без остановки соседей, белые — резерв. Я убрала красный из последней редакции, потому что на совещаниях он слишком напоминал пожарную тревогу.

Нижнюю строку, где раньше были мое имя и название архитектурного направления, обрезают.

На четвертой странице подписали кухонный остров.

Тот самый, по которому Софья скользила каблуком.

Я положила ладонь на бумагу. Хотела разглядеть загнутый угол, но он уже был ровным.

Вчера я могла бы объяснить эту презентацию. Сказала бы себе: Илья лицо компании, кредиторы знают его, мое имя перенесут в техническую часть. Еще неделю назад я бы сама предложила поправить шрифт.

Теперь за каждым белым полем слышалось: «Когда она приезжает».

Под презентацией оказался проект приказа о передаче архитектурного направления внешнему управлению. Моей задачей значилось «оказание консультационной поддержки в переходный период». Вознаграждение предлагалось определить позднее.

На полях Ильи написал: «Чисто формально. Обсудим дома».

Я открыла ноутбук.

Пароль подошел с первого раза. Почему-то это показалось неожиданностью.

В почте оставалось мое письмо от шестого числа с темой «Финальная концепция для кредитного комитета». Я раскрыла прикрепленный файл. На титуле были моя фамилия, фамилии инженера и визуализатора, дата. Отправлено Илье, Софье, Нине Петровне.

Я посмотрела на время отправки. Двадцать три семнадцать. В тот вечер Илья принес в кабинет чай и сказал, что я себя загоняю.

За дверью зашуршали шаги. Я закрыла презентацию и подвинула к себе план вентиляции.

Павел вошел с двумя стаканчиками кофе.

— Думал, вас не будет до десяти.

— Почему?

— Корнеев вчера сказал. Что у вас выходной.

Он поставил один стакан рядом с моим локтем, снял куртку. На носу у него краснела потертость от очков.

— Я про выходной не знала.

— Ну, может, перепутал.

Павел наклонился к своему столу и начал искать что-то среди рулонов.

Я несколько секунд смотрела на него. Хотелось спросить: ты знаешь? Все знают? Виктор Петрович у ворот тоже знает?

Я не могла спросить так, чтобы он не понял остального. А через час Илья узнал бы о моем вопросе — раньше, чем я успела бы решить, что ему скажу.

— Мне нужен журнал по корпусу Б за май и июнь, — сказала я.

Он замер, держа в руках степлер.

— К какой дате?

— Для подготовки к пятнице. Пока рабочие копии. И письма по изменениям объемов.

— Из архива надо поднимать.

— Подними, пожалуйста.

Павел положил степлер на место.

— Хорошо.

Кофе оказался слишком сладким. Обычно он помнил, что я пью без сахара. Я выпила почти половину, потому что нужно было чем-нибудь занять рот.

Когда он ушел на площадку, я открыла свою рабочую папку: чертежи, переписку по соглашениям, фотографии осмотров.

На экране лежали три года моей жизни.

Я нашла снимок первого собрания арендаторов. За пластиковым столом сидели гончар, хозяин столярной мастерской, две женщины, шившие театральные костюмы. Я стояла у стены с рулоном ватмана. Илья фотографировал.

«Это все она, — сказал он тогда. — Я бы просто сдал помещения. У нее всегда находятся лишние смыслы».

Все засмеялись. Я тоже.

Мне казалось, он гордился.

Телефон завибрировал.

«Ты где?»

Илья.

Я посмотрела на входящую строку так долго, что экран успел потемнеть.

«На объекте».

Ответ пришел сразу:

«Я тоже. Поднимайся, покажу готовый лофт».

Я перечитала сообщение. В конце стоял подмигивающий смайлик.

Я представила, как наверху убирают вторую чашку, поправляют подушки. Софья застегивает блузку и открывает таблицу на телефоне. А я вхожу, муж кладет мне руку на поясницу и спрашивает: «Ну что, архитектор, принимаешь?»

— Нет, — произнесла я вслух.

В пустой комнате слово прозвучало слишком отчетливо.

Я напечатала: «Уезжаю на замеры. Пакет забрала. Подпишу после просмотра».

Палец остановился над отправкой. Я стерла последнее предложение.

«Пакет забрала. Посмотрю».

Илья позвонил.

Я ответила, глядя на обведенную карандашом шахту вентиляции.

— Привет.

— Ты чего так рано? — спросил он.

В голосе было обычное утреннее тепло. Он всегда чуть растягивал гласные, когда еще не выпил кофе.

— Работа.

— Ты опять не завтракала?

Я положила ладонь на живот. Там с самого лофта держалась ровная неприятная пустота.

— Не успела.

— Лин, ну мы же говорили. Так нельзя. Ты потом весь день злая.

Я посмотрела на яблоко, выкатившееся из сумки.

— Что за передача направления?

Пауза длилась меньше секунды.

— А, ты уже открыла. Это организационное. Не по телефону, ладно? Я все объясню.

— И презентацию?

— Что с ней?

— Автор.

— Господи. Ты опять про фамилии? Это для финансовой части, там нужен ответственный руководитель.

— Там написано «автор концепции».

— Значит, помощница не так поставила. Поправим. Ты сейчас куда едешь?

Он переходил от одного вопроса к другому быстро и гладко. Я знала эту интонацию по переговорам с заказчиками, которым переносили сдачу.

— По работе, — повторила я.

— Хорошо. Вечером поговорим. И не забудь подписи, пожалуйста. Мне нужно закрыть пакет.

Я не сказала «целую».

Он не заметил.

* * *

В машине я двадцать минут сидела с выключенным двигателем.

На коленях лежал конверт. Бумага промяла ткань брюк острым углом.

Можно было вернуться. Дождаться их обоих у лестницы. Сказать, что я видела. Спросить, сколько это длится, спит ли она на моей половине кровати, когда меня нет, смеются ли они над тем, как я ищу подходящий оттенок кирпича.

Я даже представила первый вопрос, и от него стало тошно.

Илья начал бы с того, что я неправильно поняла. Потом попросил бы успокоиться. При свидетелях он говорил особенно мягко. Нина Петровна узнала бы не о поцелуе в лофте, а о том, что Алина сорвала рабочий день перед важнейшей встречей.

Я достала телефон, открыла чат с Диной и набрала: «Мне нужен юрист».

Стерла.

Написала заново: «Можно сегодня поговорить? По работе и личному. За деньги».

Ответ пришел через три минуты:

«В двенадцать тридцать. Адрес тот же. Ничего пока не подписывай».

Я закрыла глаза. На этот раз пришлось несколько раз вдохнуть, прежде чем получилось повернуть ключ.

До встречи оставалось время. Я заехала домой.

В квартире пахло яблочным средством для пола. На тумбе стояли наши фотографии: свадьба, Волга в июле, я в нелепой каске на первом объекте. Илья на том снимке держал меня за плечи обеими руками. Не для камеры — мне тогда было холодно.

Я не стала переворачивать рамку.

На кухне сняла верхнюю тарелку с сырников. Один край подсох и завернулся. Я разломила сырник, съела половину стоя и запила водой из-под крана.

Потом пошла в кабинет искать папку с документами на долю.

Нина вручила ее мне четыре года назад за этим самым столом. На свой день рождения, не на мой.

— Не подарок, — сказала она тогда. — Хотя оформляем подарком. Ты здесь работаешь больше многих мужчин. Хочу, чтобы было за что держаться.

Я обняла ее. Илья принес шампанское.

Теперь я достала папку, проверила листы и уложила в сумку.

В соседнем отделении лежал конверт мужа. Я вытащила оставшуюся часть пакета, которую на объекте не успела прочитать.

Сначала шли перечни передаваемых материалов. Потом таблица незавершенных задач. На предпоследнем листе стоял заголовок: «Соглашение об урегулировании имущественных отношений».

Я села.

В строке «доля в уставном капитале общества» значились мои пятнадцать процентов.

Ниже предлагалось подтвердить, что я получила окончательный расчет и не имею претензий к результатам совместной деятельности.

Графу для суммы оставили пустой.

Место для моей подписи уже отметили желтым.

Глава 2. Собеседование у дьявола

Дина не обняла меня, когда я вошла.

Она забрала конверт, показала на стул и подвинула ко мне коробку бумажных платков. Рядом поставила стакан воды.

— Сначала то, что ты видела сама.

Я рассказала. Про каблук, чашку, его руку. Про строчку на титуле. На словах «подпись до шестнадцати» у меня наконец сорвался голос.

Дина дождалась, пока я выпью воду.

— Сколько лет Софья работает у вас?

— Полтора года.

— До этого были основания думать об измене?

Я начала вспоминать командировки. Новую привычку уносить телефон в ванную. Вечера, когда Илья раздражался из-за моего звонка, хотя сам просил позвонить после замеров.

— Основания, наверное, были. Я находила другие объяснения.

— Сейчас нам не нужно устанавливать, в какой вторник все началось.

Она раскрыла последний документ, прочитала до конца и вернулась на первую страницу.

— Кто готовил?

— Не знаю. В фирменной папке.

— Вот это уточним. А пока: ты хочешь сохранить брак?

Вопрос оказался простым и совершенно непосильным.

— Я хочу, чтобы он сказал правду.

— Допустим, скажет.

Я посмотрела на Дину.

За окном ее кабинета была глухая кирпичная стена, на которой кто-то нарисовал огромное зеленое растение. Каждый раз, когда я приезжала раньше, мне казалось, что художник ошибся с масштабом. Сегодня я радовалась, что смотреть больше не на что.

— Не знаю, — ответила я. — Я еще утром думала, что у нас обычная тяжелая неделя.

Дина кивнула и перевернула лист.

— Тогда не будем сегодня принимать решения на всю жизнь. Но вот это ты не подписываешь.

Она обвела абзац о полном расчете.

— Здесь даже сумма не указана.

— В том числе поэтому.

— Он не может просто забрать долю?

— У тебя есть документы на нее?

Я вытащила папку Нины Петровны. Дина проверила несколько страниц.

— Хорошо, что принесла. Еще запросим устав и актуальные сведения о компании. Должность, брак и доля — разные вещи. Илья не может считать твое согласие полученным только потому, что вы поговорили дома.

Мне хотелось, чтобы Дина хотя бы выругалась. Она взяла следующий лист, и я едва удержалась, чтобы не прижать его ладонью: подожди, я еще не договорила про него.

— А моя работа?

— Что именно ты хочешь вернуть?

— Ее.

Дина подождала.

— Имя, — сказала я наконец. — Чтобы он не показывал мое здание и не рассказывал, как это придумал. И деньги. Хотя бы те, которые обещали за проект. Я три месяца получала только основную зарплату, потому что «все вкладываем».

— Служебную документацию компания продолжит использовать. Авторство и выплаты будем разбирать отдельно. Начни с перечня: что ты создала, когда, кто может подтвердить. Не рассылай сегодня обвинения всем заказчикам.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Ты уже кому-то написала?

— Только тебе.

— Отлично. Это пока очень разумное количество людей.

Я засмеялась. Получилось некрасиво, носом, и Дина подвинула платки ближе.

Пока она снимала копии с моих документов, я открыла банк. На личном счете оставалось сто сорок семь тысяч. Общая карта, которой мы оплачивали продукты и поездки, показывала больше, но счет принадлежал Илье.

Я стала считать аренду квартиры, залог, расходы на Дину. Оказалось, что моя самостоятельная жизнь уместилась примерно в полтора месяца и требовала очень скромной кухни.

— У «Контура» скоро платеж «Рубежу», — сказала я.

Дина подняла голову.

— И?

— Сто двадцать миллионов. Я видела календарь. Софья три раза переносила внутреннее обсуждение. На следующей неделе они встречаются с кредитором.

— Ты думаешь, это связано с пакетом?

— Если я соглашусь уйти сейчас, им не придется объяснять мою версию готовности объекта. И оставшиеся выплаты.

— Это предположение.

— Да.

Дина вернулась к столу.

— Ракитин любит покупать чужие проблемы дешевле, чем они стоят владельцам. Я бы не начинала с него.

— Ты его знаешь?

— По делам, с которыми приходили клиенты. У части из них для него одно имя — дьявол. Он взыскивает залог и у людей, с которыми вчера ужинал. Дружеская просьба для него не замена обязательству.

— Он уже внутри проблемы.

— Алина.

Она произнесла мое имя так, как произносят «посмотри под ноги».

Я достала из сумки план первого этапа и расправила между нами.

— Если они начнут взыскивать залог, мастерские уйдут. На пустом объекте без арендаторов эта схема не работает. Чтобы начать все заново, потребуется больше денег, чем закончить нормально.

— И ты хочешь объяснить это человеку, который знает стоимость своего залога?

— Он знает цифры из отчета. Я знаю, что стоит за цифрами.

Дина долго смотрела на схему.

— Позвони, — сказала она. — Но никаких подписей без меня.

* * *

Номер помощницы Ракитина был в старом приглашении на совещание, где меня в последний момент заменил Илья. Тогда я обрадовалась: удалось остаться на площадке и решить проблему с лестницей.

Сегодня я позвонила сама.

Меня попросили сформулировать тему. Я сказала, что отвечала за архитектурную концепцию «Красильни» и могу пояснить расхождения в данных о строительной готовности.

Слова «жена Корнеева» не произнесла.

Через два часа пришло приглашение на следующее утро. Двадцать минут, девять десять. Список материалов ограничили теми, которыми я вправе распоряжаться.

Илья вечером вернулся с пакетом абрикосов.

— Видел у метро. Ты любишь.

Я смотрела, как он моет фрукты, вытирает руки, открывает верхний шкаф. Он знал, где стоят миски. Утром он целовал другую женщину в моей кухне, построенной в другой части города, а сейчас доставал нашу обычную белую миску.

— Пакет посмотрела?

— Да. Есть вопросы.

— Давай завтра. Я совсем выжатый.

Он потянулся ко мне. Я отступила к чайнику.

— Голова болит.

— Давление?

— Возможно.

Илья нашел в ящике таблетки, положил рядом.

Я не взяла.

— Ты ведь сама говорила, что устала, — продолжил он. — Я хочу тебя разгрузить. Можно съездить куда-нибудь. Ты когда последний раз просто отдыхала?

— А почему отдых начинается с передачи направления?

Он вздохнул.

— Потому что я не могу держать все на одном человеке. Ты хороший архитектор, Лин. Но бизнес растет.

Он говорил «хороший» так, как хвалят сотрудника перед отказом в повышении.

— Я обсужу документы с юристом.

Он перестал вытирать стол.

— С каким еще юристом?

— Со своим.

— Ты мне не доверяешь?

Я посмотрела на его руки. Он все еще держал мокрую губку.

— Хочу понимать, что подписываю.

Илья убрал губку, аккуратно, на привычное место.

— Ладно. Только не превращай организационный вопрос в войну.

Ночью я легла в кабинете. Сказала, что буду разбирать чертежи и не хочу будить его.

Он поверил. Или решил, что я обижена из-за фамилии на титуле.

Я слышала сквозь стену, как он кому-то печатает.

* * *

В офисе «Рубежа» не было ничего, что помогло бы мне заранее возненавидеть хозяина.

Ни золотых часов на стене, ни огромного портрета, ни девушки, которой приходилось улыбаться каждому входящему. За стойкой сидел мужчина лет пятидесяти, проверил фамилию, дал пропуск и показал на лифт.

Помощница встретила у двери.

— Марк Андреевич ждет. Воды?

— Да, пожалуйста.

— Обычной?

Я кивнула, удивившись, насколько приятным может быть вопрос, на который легко ответить.

Ракитин стоял у раскрытого шкафа и просматривал папку. Высокий, в светлой рубашке с закатанными рукавами. На спинке кресла висел темный пиджак. Он закрыл папку, подошел и протянул руку.

— Алина Сергеевна.

— Марк Андреевич.

Ладонь была сухой и теплой. Я слишком быстро забрала свою и разозлилась на себя за это.

— У вас двадцать минут, — сказал он.

— Мне достаточно, чтобы показать, зачем вам потребуется еще встреча.

Он сдвинул соседний стул, чтобы я могла положить тубус.

Я разложила два плана. Первый — из публичного пакета, который компания показывала на отраслевой встрече. Второй — мой рабочий вариант, без финансовых сведений.

— В презентации единый запуск. Здесь — три этапа. Первый занимает меньше трети общей площади, но использует общую котельную и вводы. Если считать объект готовым целиком, вам покажут одну стоимость завершения. Если проверять по очередям, получится другая.

— Какая?

— Без осмотра и документов я не назову сумму.

Марк сел напротив.

— Тогда в чем расхождение?

— В корпусе А по отчетному плану закончена внутренняя трасса. Вчера там стояли открытые направляющие. Я видела их на авторском обходе.

— Фотография?

— Есть в рабочем журнале. Для передачи нужно основание.

Он посмотрел на меня поверх листа.

— Вы пришли предложить проверку, но не принесли подтверждения.

— Я могу показать, где проверять. Но сначала нужно оформить доступ к документам. Не хочу через неделю объяснять, почему принесла их без разрешения.

Несколько секунд он молчал.

Я чувствовала шов на внутренней стороне рукава. Почему-то казалось, что Ракитин сейчас встанет, вернет мне планы и закончит встречу. Тогда останутся Дина, сто сорок семь тысяч и конверт с желтой полоской.

— Вы говорили об этом Илье?

— О готовности участка? Не успела.

— А о нашей встрече?

— Нет.

— Причина?

— Я хочу работать с независимой проверкой.

— Вы руководитель его архитектурного направления и его жена.

— И участник компании. У меня есть собственный интерес в том, чтобы сведения об объекте соответствовали действительности.

Марк опустил взгляд на план.

— Какая у вас цель?

— Сохранить жизнеспособный проект. Получить оплату за работу. Убедиться, что мои подписи не появятся под чужими решениями.

— А Корнеев?

Я сделала вдох.

— Я не могу предложить вам гарантию его виновности. Могу предложить знание здания.

Он поднялся. Я тоже начала собирать листы.

— Не убирайте, — сказал Марк.

Он подошел к столу сбоку, поставил палец на корпус Б.

— Его можно выделить отдельно?

— На бумаге?

— Технически.

— Потеряется котельная и часть коммуникаций. Придется устраивать новые вводы.

Работы остановятся.

— Вы просчитывали?

— Считала другой состав этапов. Подход тот же. Почему вас интересует именно Б?

— Самостоятельный актив проще продать, чем сложный проект.

— Тогда вы останетесь с менее ценным остатком. И пустыми помещениями, потому что столеры и костюмеры не будут работать без тепла.

Он убрал руку.

— Покажите вашу очередность.

Я развернула третий лист.

Двадцать минут закончились. Помощница заглянула, он жестом попросил подождать.

Мы еще полчаса спорили о том, можно ли запускать двор одновременно с первым этажом. Два раза я сказала «не знаю» и один раз признала, что в новой схеме недооценила время на отдельную приемку.

Он не воспользовался этим, чтобы закончить разговор.

Под конец Марк записал на полях три вопроса и придвинул лист ко мне.

— Предложение о консультировании получите сегодня. Финансовую проверку ведет аудитор. Вы отвечаете за техническую часть и модель запуска. Мне потребуется ваше полное раскрытие заинтересованности.

— И мне ваше.

Он посмотрел прямо на меня.

— Обсудим в договоре.

Я начала складывать планы. Угол одного листа зацепился за край стола, Марк придержал его, не касаясь моей руки.

— Если будете проверять тепловой узел, — сказал он, — сначала посмотрите проход за второй аркой. От котельной туда можно попасть без обхода мастерских.

Я подняла голову.

— Откуда вы знаете проход?

На схемах для кредитора он не обозначался: старая дверца давно считалась заложенной. Марк убрал со стола пустой стакан.

— Я читаю приложения к залого, Алина Сергеевна.

— В них этой двери нет.

Он поставил стакан на поднос.

— Значит, к обследованию стоит отнестись особенно внимательно.

Я забрала планы. У лифта рука привычно потянулась к телефону: Илье понравился бы спор о запуске двора. Представив его голос в трубке, я убрала телефон, не включая экран.

Пока ехала вниз, снова думала о двери, которую Ракитин не должен был помнить.

Глава 3. Право на отдельное мнение

В проекте договора мое время принадлежало «Рубежу» целиком.

Я прочитала пункт дважды. Потом еще раз, медленнее.

«В период оказания услуг исполнитель воздерживается от иной профессиональной деятельности без письменного согласования с заказчиком».

За окном кухни начинался дождь. Илья уехал час назад, оставив на столе рекламный буклет санатория. На обложке женщина в белом халате смотрела на лес. Вероятно, так выглядела я после удачной передачи дел.

Я переслала документ Дине и написала: «Это убрать».

Она позвонила почти сразу.

— Доброе утро. Ты уже завтракала?

— Только не ты.

— Ладно. Ты уже подписала?

— Нет.

— Тогда утро действительно доброе.

Я поставила на плиту маленькую сковороду. Слушая Дину, разбила яйцо, разбила желток, выключила слишком сильный огонь. Обычные действия понемногу возвращали мысли в голову.

— Исключительную занятость убираем, — сказала она. — Ограничение на реальный конфликт интересов можно оставить. Он платит за конкретную работу. Твое свободное время в объем не входит.

— Там еще про использование выводов. Он может редактировать.

— Вот это важнее. Формат согласовать можно. Содержание подменять нельзя. Я внесу.

— И если я захочу уйти?

— По обычному уведомлению — через семь рабочих дней. При существенном нарушении условия будут другими, я их уточню. И уберу расходы, которые сейчас можно приписать тебе без конца.

Я поскребла лопаткой прилипший белок.

— Я хочу понимать худший вариант.

— Например, ты передала закрытый материал постороннему, и заказчик доказал ущерб. За него отвечаешь в пределах согласованных условий. Но не за любую сумму, которую Ракитин назовет своим разочарованием.

— А если вывод ему не понравится?

— Это работа консультанта, Алина.

— В нашем бизнесе это часто называется нелояльностью.

Дина помолчала.

— Тогда добавим прямой пункт.

К двенадцати документ покрылся комментариями. Я распечатала его, потому что на бумаге лучше видела длинные обязательства. На полях записала вопросы: «Кто принимает?», «Какие источники?», «Не задержат ли плату за плохие новости?»

Последним написала: «Чьи ошибки можно указывать?»

Ниже оставалось немного места. Я добавила: «Его тоже».

* * *

На переговоры Дина приехала в зеленом плаще и с совершенно неприлично ярким зонтом.

— Чтобы клиент узнавал своего юриста издалека, — сказала она, заметив мой взгляд.

Мне вдруг захотелось ее обнять. Я обняла, осторожно, чтобы не уколоть щекой мокрые спицы.

Марк ждал с юристом «Рубежа». Тот представился Константином, сел сбоку и раскрыл ноутбук. На столе лежали четыре экземпляра договора. Я сразу увидела, что наши правки распечатали.

— Начнем с вознаграждения? — предложил Константин.

— С прекращения, — сказала я.

Марк откинулся на спинку стула.

— Пожалуйста.

Дина раскрыла свою копию.

Следующие сорок минут мы обсуждали то, что раньше я подписала бы после слов «это стандарт». Мне хотелось поскорее закончить, перестать задерживать всех из-за одного абзаца. Тогда я переворачивала лист со своими вопросами и задавала следующий.

Константин несколько раз говорил:

— Это маловероятный сценарий.

Дина отвечала:

— Тогда закрепить его будет несложно.

Марк почти не вмешивался. Делал заметки тонкой черной ручкой. Лишь на обсуждении оплаты остановил юриста:

— Если независимый эксперт подтверждает выполненный объем, мы платим. Даже если вывод отрицательный. Формулировку оставляем.

Я опустила взгляд, чтобы не показать облегчение.

— Теперь исключительная занятость, — сказала Дина.

— Снимаем, — ответил Марк.

— Вы уже согласны?

— Мне нужен отчет через тридцать дней. Что Алина Сергеевна делает в субботу, меня не касается, пока срок соблюден.

Я посмотрела на него.

Он спокойно ждал следующего вопроса.

— Посещение мероприятий от имени заказчика? — спросила я.

Константин объяснил, что речь о встречах с кредиторами и экспертами.

— Так и запишите. Рабочие встречи в рамках задания.

— Вы предполагаете какие-то иные?

Я вспомнила, сколько раз ехала с Ильей на ужин, потому что «инвестор хочет видеть семью», а потом до полуночи слушала, как мужчины обсуждают мои решения.

— Я хочу, чтобы договор предполагал только то, что в нем написано.

Марк кивнул Константину.

Тот внес поправку.

В разделе о раскрытии заинтересованности Дина остановилась особенно подробно.

— Подконтрольные лица тоже включаем. И подготовленные варианты приобретения частей объекта.

— Если это только обсуждение? — спросил Константин.

— Если способно повлиять на вывод или решение другой стороны, раскрывается.

Я провела пальцем по строчке.

— Вчера вы спрашивали о выделении корпуса Б.

Марк положил ручку поперек листа.

— Я проверял ликвидность залога.

— У вас есть отдельный интерес к покупке?

Он не стал отвечать сразу.

В комнате было слышно, как Константин перелистывает страницу на экране.

— У «Рубежа» есть обеспеченный долг и обязанность вернуть деньги инвесторам, — сказал Марк. — Сделки по покупке корпуса сейчас нет.

— А подготовленный вариант?

— Есть разные способы урегулирования. Ни один не заменяет вашу проверку.

Дина подняла глаза.

— Тогда все, что отвечает этому определению, должно быть в приложении. И обязанность раскрытия остается на весь срок.

— Согласен, — ответил он.

Я обвела слово «подготовленные». Ответ про покупку меня не устроил, но теперь обязанность сказать больше оставалась на бумаге, под его будущей подписью.

Дальше мы дошли до отсрочки. Константин пояснил: она будет оформлена с «Контуром» в кредитных документах после согласования условий проверки. Марк берет обязательство обеспечить со своей стороны девяностодневное окно, если объект сохраняется и текущие платежи не прекращаются.

— Если я расторгну наш договор на сороковой день, что будет с отсрочкой? — спросила я.

— Она не связана с вашим личным присутствием, — ответил Марк.

— Я хочу это видеть.

Константин начал объяснять различие документов.

Дина дождалась конца.

— Именно поэтому нужна согласованная формулировка в обоих. Иначе право выхода для моего клиента остается теоретическим.

Марк провел ладонью по подбородку.

— Включите.

Я выдохнула так заметно, что он посмотрел на меня.

— Вы ожидали другого?

— Я не знала, чего ожидать.

Это была самая точная фраза, которую я могла ему предложить.

На семи последних страницах перечислялось техническое задание. Я уточнила, что за финансовый аудит отвечают аудиторы, а выводы о безопасности требуют профильных заключений. Под последней правкой поставила инициалы: раньше я слишком часто соглашалась разобратся и с тем, чего не умела.

— Я не обещаю, что объект удастся закончить в предложенном бюджете, — сказала я. — До обследования этого никто не должен обещать.

— Обещайте, что укажете, если не удастся.

— Укажу.

— Тогда мы понимаем друг друга.

Я не ответила, что очень хотела бы в это верить.

* * *

Пока готовили чистые экземпляры, Константин вышел. Дина отвела меня к окну.

— Все понятно? — спросила Дина.

— Три этапа по четыреста тысяч за принятую работу. Эксперты и сопровождение — из отдельного бюджета. Я готовлю отчет и план запуска, передаю только те сведения, на которые имею право. Конфиденциальность остается и после выхода.

— Что еще?

— Мои ошибки тоже придется раскрыть.

Я произнесла это тише. Дина придвинулась ко мне.

— Если окажется, что прежние решения плохи?

Я посмотрела на мокрый подоконник снаружи.

— Они войдут в отчет.

— Если тебе захочется просто наказать мужа?

— Я не могу подделывать выводы.

— И если Марк Андреевич попросит убрать неудобное?

Я перелистнула договор.

Пункт семь четыре начинался со слов: «Выводы консультанта могут касаться действий заказчика и связанных с ним лиц».

— Вот для этого мы его написали.

Дина кивнула.

— Я не могу гарантировать, что тебя не попытаются использовать. Могу сделать так, чтобы у тебя были ясные условия и средства защиты.

— Понимаю.

— Ты не обязана подписывать сегодня.

Я повернулась к столу. Марк разговаривал по телефону возле двери. Когда заметил мой взгляд, закончил разговор и убрал аппарат в карман, не проверяя уведомления.

Я думала о том, что могу уйти. Прямо сейчас. Забрать папку, вернуться домой, предложить Илье обсудить приемлемую сумму. Он обрадуется. Скажет, что всегда хотел для меня спокойной жизни. Через год я буду объяснять новым заказчикам, какую именно часть «Красильни» придумала.

— Я хочу подписать, — сказала я.

Чистые экземпляры пахли теплой бумагой.

Марк еще раз просмотрел раздел о раскрытии, затем подписал страницу с личным обязательством. Я следила за движением ручки. Он писал медленно, без привычного росчерка на полстраницы.

Моя подпись получилась чуть ниже линии.

Дина собрала наш комплект.

— Свои разговоры с клиентом я сохраняю конфиденциальными, — сказала она Марку.
— Независимо от согласованного источника оплаты сопровождения.

— Разумеется.

Он протянул мне руку.

— До понедельника оформим допуск и перечень исходников. Завтра пришлю контакт аудитора. Сегодня не пытайтесь собрать все самостоятельно.

— У меня есть список.

— Я заметил.

В уголке его рта появилась короткая улыбка.

Улыбка смягчила складку у его рта. Я задержала взгляд на секунду дольше нужного и потянулась за своей папкой.

В лифте Дина открыла кошелек, вытащила чек из кофейни и написала на обороте три цифры.

— Что это?

— На первый месяц. Моя работа, возможная экспертиза по твоим личным документам, резерв на неожиданные расходы. То, что не относится к техническому заданию «Рубежа», оплачиваешь сама.

Я посмотрела на сумму.

Я пересчитала остаток на счете. После этих трех цифр квартира с большой кухней пока отменялась.

— В понедельник выставлю счет, — добавила она. — Сегодня можешь просто пообедать.

* * *

Мы разошлись у крыльца. Дина побежала к машине, прикрывая папку зеленым плащом.

Я постояла под навесом. Дождь закончился, но с металлического края еще падали крупные капли. Одна попала на носок ботинка.

Телефон завибрировал.

Илья.

«Завтра можешь не приезжать. Твою презентацию я закончу сам».

Я прочитала сообщение два раза.

Затем подняла голову к светлому прямоугольнику неба между зданиями. До этого я все время торопилась: понять, решить, не расплакаться, не опоздать, не дать кому-нибудь заметить. Сейчас торопиться несколько секунд было некуда.

Готовься, мой муженек!

Я не отправила ему этих слов. Открыла почту, проверила адрес, прикрепила согласованный с Диной запрос о предоставлении корпоративных документов.

В подписи оставила полное имя:

«Алина Сергеевна Корнеева. Участник общества».

Нажала «Отправить».

Глава 4. Цена тишины

В субботу Илья приготовил завтрак.

У плиты он стоял в старой футболке, которую я дважды пыталась отправить на дачу. На тарелке лежали тосты, помидоры были нарезаны ровными половинками. Рядом с моим прибором он положил конверт.

— Давай без телефонов, — сказал он.

Я еще не успела сесть.

— Что в конверте?

— Сначала поешь.

Я отодвинула стул. На экране, лежавшем возле хлебницы, отразился свет. Илья перевернул телефон.

Тост хрустнул слишком громко.

— Мне вчера переслали твой запрос, — начал он.

— Я его отправила в компанию.

— Да. Именно. В компанию. Не мне.

— Документы мне нужны как участнику.

Он разрезал помидор, хотя все помидоры уже были разрезаны.

— Алина, я не враг тебе.

— Тогда предоставь документы.

— Ты понимаешь, как это выглядит перед кредиторами?

— Как нормальный запрос.

— Как конфликт в семье собственников.

Я поставила чашку на блюде.

— Я не писала о семье.

Он потер лоб и посмотрел в окно. Этот жест означал, что разговор утомил его раньше, чем начался.

— Слушай. Я понимаю, ты обиделась из-за презентации. Я уже велел все исправить.

— И передачу направления?

— Мы можем найти тебе другую роль. Более творческую.

Я развернула конверт. Внутри лежала распечатка брони в санатории. Двенадцать ночей, номер с балконом, процедуры по назначению специалиста.

— На одного человека?

— Я приеду на выходные.

— Когда?

— После переговоров. Лин, я сейчас не могу бросить все.

Я положила распечатку рядом с хлебом.

Он смотрел на меня ожидающе. Я почти видела готовый ответ, который должен был облегчить нам обоим утро: спасибо, ты прав, мне действительно пора отдохнуть. Тогда он улыбнулся бы, обнял сзади, поцеловал в висок. Я могла представить это до мельчайшей складки на его футболке.

— Отмени бронь, пожалуйста.

— Ты серьезно?

— У меня работа.

— Я тебе предлагаю человеческие условия.

— А я говорю, что не поеду.

Он отодвинул тарелку. Нож коротко скользнул по фарфору.

— Хорошо. Только потом не говори, что я не пытался.

Илья вышел из кухни. Тостов осталось еще четыре. Я завернула два в салфетку, убрала в сумку. Есть за столом больше не хотелось.

* * *

На объект я не поехала: Дина прислала перечень того, что нужно разобрать до начала проверки.

Я заняла кухонный стол собственными договорами, письмами о премии, копиями согласований, фотографиями с рабочих встреч.

Я открыла рабочую переписку трехмесячной давности. В первых сообщениях еще писала Илье «милый».

«Илья, подрядчик просит подтвердить перенос. Без нового графика я не согласую».

«Лин, решу. Ты доделай визуал».

«Мне нужны цифры для первого этапа».

«Соня отправит».

Соня не отправила. Я тогда позвонила в третий раз, он раздраженно ответил, что не все могут заниматься одной красивой стеной.

На следующем снимке этой стены стояла я. С пыльными волосами, в куртке на размер больше. Смеялась, потому что Павел расколол плитку ровно в том месте, где до этого обещал не раскалывать.

Я сохранила фотографию в отдельную папку. Она могла подтвердить дату осмотра. Позднее, возможно, я снова сумею увидеть в ней что-нибудь еще.

К четырем часам я составила список из семнадцати документов. В трех строках написала: «Не знаю, где оригинал».

Позвонила бухгалтеру, спросила о расчетном листке.

— Илья Евгеньевич сказал, все после согласования бюджета, — ответила она.

— Основную зарплату я получила. Мне нужны начисления по проектной части и документы об условиях выплаты.

— Пришлите запрос.

— Пришлю.

Раньше я бы решила, что человеку неудобно искать. Сейчас отправила короткое письмо и занесла его в таблицу исходящих.

На пятой минуте после отправки пришло сообщение от мужа:

«Можно хотя бы бухгалтерию не дергать в выходные?»

Я посмотрела на часы. Шестнадцать десять. Он находился дома и ни разу не зашел на кухню спросить, что я делаю.

«Я написала. Ответит в рабочее время».

В ответ появилась точка.

Я не стала уточнять ее значение.

* * *

На следующий день мы с Диной встретились в кофейне у ее офиса. Она забрала копии, пролистала мой перечень.

— Не нравится тебе жить с исходящими номерами?

— Я проектировала для людей уютные места. Теперь знаю, чем они занимаются в этих местах.

— Люди бывают разные.

— Я пока не готова быть справедливой ко всему человечеству.

Она пододвинула мне кусок пирога.

Мы разобрали расходы. Дина взяла фиксированную сумму за первый этап личного сопровождения; дальнейшие действия по корпоративному спору должны были обсуждаться отдельно. Я перевела оплату при ней.

На счете осталось меньше.

Я проверила остаток и погасила экран. Дина уже подписывала мой экземпляр. Впервые за эти дни я точно знала, за что заплатила и к кому смогу обратиться завтра.

— Илья ответил по запросу? — спросила Дина.

— Сказал, что создаю впечатление конфликта.

— Ответа нет. Так и отмечаем.

Она поставила в своей записи короткую черту.

— Я все время хочу объяснить, что у меня есть причины.

— Ты уже объясняла. Он ответил?

Я покрошила вилок край пирога.

— Сказал, что я устала.

Дина убрала копии в папку.

— Тогда сейчас ждем документы. Его убеждать в этой кофейне все равно не получится.

Когда мы вышли, у меня зазвонил телефон. Марк.

Он сообщил, что аудитор прислал предварительный перечень, и спросил, смогу ли я заехать на полчаса: нужно разграничить технические материалы и запросы по финансам.

Я согласилась.

— Дина едет с вами? — спросил он.

— Нет.

— Тогда по договору сегодня ничего не меняем. Нам нужен только перечень.

Я убрала телефон. Дина застегнула плащ.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Раньше мне обычно объясняли, что юрист мешает поговорить по-человечески.

Она поправила ремешок сумки.

— Ну вот и поговори по-человечески. Только факты потом все равно запиши.

В воскресном офисе «Рубежа» пахло свежевыкрашенной стеной: на первом этаже меняли перегородку. Марк встретил меня у лифта.

— Переговорная занята ремонтом. Можем в кабинете или внизу, в кафе.

— В кабинете нормально.

Он показал на стол у окна, где уже лежали перечни. Я села, достала карандаш.

За первый час мы убрали шесть дублирующих запросов, добавили две серии фотографий и договорились о том, что каждое неподтвержденное утверждение в отчете получит отдельную отметку.

Потом Марк закрыл папку.

— Есть еще один вопрос.

Я убрала руки со стола.

— Да?

— Корнеев говорил с нашим финансовым директором. Он сомневается в вашей способности оставаться объективной.

Мне стало жарко в пальто, которое я так и не сняла.

— Он уже знает о моем участии?

— Официальный состав проверки получит завтра. Пока знает, что мы обсуждаем технического консультанта. Он назвал вас сам.

— Что именно сказал?

— Что вы тяжело переживаете изменение своей роли.

Я отвела взгляд к окну.

Внизу женщина пыталась сложить детский самокат. Ребенок держал ее сумку, стоял совершенно серьезно и ждал. Мне захотелось смотреть на них, пока самокат не сложится.

— Мой муж мне изменяет, — сказала я.

Марк не пошевелился.

— С финансовым директором. Я увидела сама. В день, когда нашла документы о передаче моей работы.

Я сказала это без подробностей. Все равно показалось, что сейчас чужой кабинет заполнится тем утренним лофтом.

— Я не знаю, получится ли у меня быть спокойной, — продолжила я. — Объективной постараюсь. Это разные вещи.

Он медленно кивнул.

— Вы можете просить перерыв. Можете писать выводы с оговорками. Для проверки нам нужны подтверждения, а не спокойное выражение лица.

— Вы будете учитывать, что я его ненавижу?

— Буду учитывать, что у вас личный конфликт. Вы его раскрыли. Поэтому ни ваше слово, ни его слово не останется единственным основанием.

Я расстегнула пальто. Наконец смогла снять и повесить на свободный стул.

— Не называйте это в письмах семейной ситуацией, пожалуйста.

— Как вам удобнее?

— Личная заинтересованность. Конфликт. Как угодно по делу. Только не так, будто мне нужно взять себя в руки и помириться.

— Хорошо.

Он вернулся к перечню и спросил, какой осмотр нужен следующим. Я ожидала еще вопросов — как давно, почему не заметила. Он ждал, пока я найду нужный лист.

Минут через десять я снова могла читать цифры.

* * *

Мы задержались до вечера. За окном зажглись фонари, ремонтники перестали шуметь. Марк вышел за водой и принес две чашки чая.

— Сахар?

— Нет.

— Запомню.

Я чуть не сказала, что не надо запоминать. Илья тоже помнил мой чай, любимые абрикосы, таблетки в кухонном ящике. Я взяла чашку за ручку, не касаясь его пальцев.

— Спасибо, — ответила вместо этого.

Чашка была тяжелой, с неровным темным ободком. На дне снаружи я заметила отпечаток мастерской.

— Ручная работа?

— Да.

— Из «Красильни»?

Он посмотрел на чашку.

— Подарили давно.

Я провела пальцем по небольшому наплыву глазури. Не стала спрашивать, кто.

В десять вечера дома меня встретила тишина. Илья прислал: «На встрече. Поздно». Я положила телефон экраном вниз.

На кухонном столе осталась моя таблица запросов. Рядом лежал конверт с бронью. Кто-то придвинул его к моему ноутбуку, будто я просто не заметила.

Я убрала бронь в ящик, разогрела суп и открыла один из старых рабочих планов.

Письмо Павла пришло, когда я уже собиралась выключить компьютер.

«Журналы завтра. Пока копия сводной, которую отправляли в июне».

Я пробежала глазами строки. Отделка. Перегородки. Прокладка участка. Степень готовности — сто процентов.

В пятой строке значилась перегородка Б-3.

Я приблизила чертеж.

В этом месте по принятой очередности оставался проход. Его нельзя было закрыть, пока арендаторы пользовались соседним входом.

На моей фотографии недельной давности проход был открыт.

Я положила рядом лист бумаги и написала: «Что именно оплачено?»

Глава 5. Стена, которой нет

Павел стоял в проходе Б-3 и держал под мышкой журнал.

За его спиной двое рабочих катили на тележке длинные доски. Тележка дребезжала на пороге. Один из мужчин выругался, второй придержал груз, чтобы не задеть кирпич.

Согласно июньской сводной, они только что прошли сквозь готовую стену.

— Может, номер поменяли? — спросил Павел.

Я раскрыла план на пустом ящике.

— Здесь ось семь. Здесь окно. Вот привязка.

Он посмотрел, потер переносицу.

— Тогда надо поднимать акт.

— Поднимем. А пока фиксируем то, что видим.

Письменное разрешение на осмотр пришло полчаса назад. Илья ответил на рабочее письмо одним предложением: «Со стороны объекта Павел обеспечит доступ по списку». В списке значились я, независимый инженер Лебедев и представитель кредитора.

Марк приехал последним.

Он надел выданную каску, проверил ремешок и подошел к ящику. Павел поздоровался с ним с заметной осторожностью.

— Вы и раньше были знакомы? — спросила я.

— Встречались на оценке, — ответил Павел.

Лебедев поставил штатив и попросил всех выйти из кадра. Мы отступили. Рабочий с тележкой в третий раз прошел через оплаченную перегородку.

Марк наблюдал молча.

— В готовом виде она здесь вообще нужна? — спросил он наконец.

— После переноса маршрута поставок. Во второй очереди.

— В отчете она готова.

— В отчете много чего готово, — буркнул Павел.

Я повернулась к нему.

— Ты это о чем?

— О сводной. Ее в офисе собирают. У нас на площадке свой журнал.

Он передал мне толстую книгу. По краям страницы засалились. Я не стала листать ее посреди прохода.

Лебедев закончил съемку, сделал замеры и продиктовал дату в камеру.

— Конструкции нет, — произнес он для записи. — С актом и оплатой будем разбираться отдельно.

Соседнюю дверь открыли изнутри. На пороге появился хозяин столярной мастерской. В руках он держал короткую доску, будто собирался кому-то ее показать.

— Опять нас закрываете?

— Нет, Артем, — сказала я.

— В пятницу опять предупреждение прислали. Что со вторника через двор нельзя.

— Покажешь?

Он принес распечатку. Подпись заместителя Ильи, формулировка «в связи с подготовкой к запуску».

Я посмотрела на Павла.

— Ты согласовывал новый маршрут?

— Нет.

— Тогда пока пользуетесь прежним, — сказала я Артему. — Сегодня уточню письменно.

Он кивнул Марку.

— Это тот, который нас продаст?

Вопрос повис между всеми совершенно без вежливой упаковки.

— Это кредитор, — ответила я.

— Значит, тот.

Марк не стал поправлять.

— Вам присылали предложение о расторжении аренды? — спросил он.

Артем перевел взгляд на меня.

— Присылали.

Я знала о предварительных разговорах по переносу, но не о расторжении. На следующую секунду очень захотелось сказать, что это недоразумение.

— Покажи, что тебе прислали. До среды выясню, что с проходом и этим письмом.

Он поднял доску.

— У меня заказ на школьные столы. Половина в клею. Мне бы до среды отсюда вообще не выезжать.

— Я поняла.

Когда дверь закрылась, Марк посмотрел на план.

— Арендный поток в расчете остается постоянным?

— В моем — да.

— В банковской версии предполагается освобождение части помещений.

— Какой части?

— Потребуем пояснение.

Я прижала бумагу к ящику сильнее, чем требовалось от ветра.

Мы обходили здание три часа. Лебедев фиксировал фактическое состояние, Павел открывал двери, я отмечала на плане каждое несовпадение с очередностью.

Марк задавал мало вопросов, но после каждого приходилось разворачивать еще один лист.

У котельной он машинально свернул к старому проходу. Остановился сам, раньше, чем я успела его окликнуть.

— Здесь закрыто, — сказал Павел.

— Вижу.

Я записала состояние дверцы. Фотографию сделала так, чтобы в кадр вошел свежий след кладки.

* * *

Разговор о деньгах начался в комнате с пластиковым столом, пока мы отогревали руки о стаканы.

Марк разговаривал с финансовым директором «Рубежа» по громкой связи. Назывались текущие запросы на оплату и условия подготовки отсрочки.

Я слышала название подрядчика, бригада которого работала сегодня.

— До получения оригиналов блокируем согласование всего следующего платежа, — сказал Марк.

Павел резко поднял голову.

— Они тогда уйдут.

— Если объем не подтвержден, деньги не согласуют.

— Они с прошлого месяца ждут. Вы бумагу получите через неделю. У меня тут люди.

Марк посмотрел на него.

— Тогда надо было подтвердить объем в прошлом месяце.

У Павла дернулась щека. Он отвернулся к окну.

Я поставила стакан.

— Не весь платеж относится к Б-3.

— Это один подрядчик, — ответил Марк.

— И разные работы. В акте есть подготовка основания в А. Ее можно проверить сегодня.

— Мы уже видим недостоверную сводную.

— Да. Поэтому проверяем. Не делаем из нее вывод о каждой строке подрядчика.

Он закрыл микрофон.

— Алина Сергеевна, у меня нет задачи финансировать еще одну недостоверную строку.

— А у меня нет задачи через три дня искать бригаду, которая знает этот участок. Вы сэкономите сейчас, потом заплатите за вход новых людей и простой.

— Вы отвечаете за подтверждение?

Я чуть не сказала «да» сразу.

Павел смотрел на меня.

— За организацию проверки, — ответила я. — Выполненный объем подтвердит профильный специалист. С документами. Если он не подтверждается, я первой подпишу замечание.

Марк помолчал.

Лебедев, до этого заполнявший форму, поднял голову.

— Основание можно смотреть. На вскрытие и замеры часа два, если площадка готова.

— Готова, — быстро сказал Павел.

— Покажи, — попросила я.

Он вышел звонить прорабу.

Марк включил микрофон.

— Разделяем основания оплаты. По подтвержденной части готовим отдельное согласование. Остальное после проверки.

На том конце попросили прислать протокол.

Я открыла ноутбук.

Я открыла форму и задержала пальцы над клавишами. Что, если и там обнаружится недочет? Лебедев уже собирал инструменты. Я позвала Павла уточнить время — пока не успела попросить перенести проверку.

Марк подвинул ко мне удлинитель.

— Вам осталось полчаса на оформление до следующего обхода.

— Успею.

— И пообедать.

Я посмотрела на него.

— Это уже вне задания.

— Совершенно верно.

Он достал из пакета бутерброды и положил один на свободный край стола.

Я отодвинула бумаги, развернула упаковку.

* * *

Основание подтвердилось не целиком.

Лебедев нашел участок, где толщина слоя не соответствовала принятому решению. Павел долго разговаривал с прорабом. Я зачеркнула в подготовленной форме старую цифру, вписала меньшую и поставила пояснение.

Марк стоял рядом, наблюдая за этим.

— Вы могли бы оставить до следующего раза, — сказал он, когда мы остались вдвоем.

— Могла бы. Тогда мы зря спорили.

Он взял форму, прочитал.

— Отправляйте.

Уже в сумерках мы вышли во двор. За окнами мастерской горел теплый свет. Артем придерживал длинную рейку, пока помощник убирал стружку. Работа не остановилась.

Я подняла воротник. За день успела испачкать рукав, поцарапать ноготь и пропустить пять звонков Ильи.

На шестой ответила.

— Я жду тебя в офисе, — сказал он.

— Я на объекте.

— Знаю. Поэтому жду.

Марк отошел на несколько шагов, давая мне закончить разговор.

— Что случилось?

— Это я у тебя спрашиваю. Ты теперь согласовываешь мои платежи с кредитором?

— Мы проверили выполненные объемы.

— Ты понимаешь, что устроила?

Я посмотрела на испачканный рукав. Пятно было похоже на карту небольшой страны.

— Да. Проверку.

— Немедленно приезжай.

В нескольких метрах от нас прораб закрывал фургон. Металлическая дверь хлопнула, и я не сразу услышала собственный ответ.

— Сегодня нет.

На другом конце стало тихо.

— Обсудим письменно, — добавила я. — Заключение направят всем по списку.

Я убрала телефон.

Марк не спросил, о чем мы говорили. Дождался, пока я подойду.

— Вас отвезти?

— У меня машина.

— Тогда до завтра.

Он уже повернулся к своей, когда я сказала:

— Спасибо, что пересмотрели решение.

Марк остановился.

— Вы дали основание.

— Не все любят, когда им его дают.

Он посмотрел на мой рукав.

— Вы тоже не были счастливы, когда нашли недоделанный участок.

Я усмехнулась.

— Не была.

Я еще улыбалась, когда у него зазвонил телефон.

Он попрощался и пошел к воротам.

* * *

Павел догнал меня у машины.

В руках он держал папку.

— Копия акта, которую нашли в офисном архиве. Оригинал пока ищут.

Я забрала листы.

Акт номер сорок семь, от двадцать седьмого июня.

Монтаж перегородки Б-3. Подготовительные работы. Сумма. Подписи.

Внизу стояла моя фамилия.

Я включила фонарик на телефоне, приблизила бумагу.

Чернила на копии были ровно черными. Знакомая заглавная К, наклон, последняя короткая черта. Я сама могла бы написать так.

— Ты помнишь этот акт? — спросила я.

Павел потер пальцем край папки.

— Их много было.

— Ты этот помнишь?

— Нет.

Я посмотрела на него. Он не отвел глаз, но и не помог.

В июне я согласовывала несколько документов. В мае тоже. Некоторые получала на почту, некоторые приносили в бюро, подписать просили то до отъезда подрядчика, то до конца банковского дня.

Я не могла здесь, под фонарем, уверенно сказать, что ни разу не поставила подпись не глядя на последнюю строку.

— Оригинал нужен, — сказала я.

— Найдем.

— Павел. Не для того, чтобы красиво приложить к отчету.

Он кивнул.

Я положила акт в чистый файл, отдельно от остальных бумаг.

По дороге домой не включала радио. На светофоре посмотрела на свои руки на руле.

Они помнили движение подписи лучше, чем я помнила каждый документ.

Глава 6. Исходящий номер

В приемной «Контура» мой пропуск сработал только со второго раза.

Я задержала карточку у считывателя, дождалась зеленого света и не стала спрашивать, почему так долго. Утром хватало других вопросов.

Секретарь протянула мне лист.

— Распишитесь, пожалуйста, за получение.

Я прочитала.

«Уведомление о временном изменении порядка доступа к проектной документации».

— Мне или всем?

— Руководителям направлений.

— Кому еще?

Она опустила взгляд к клавиатуре.

— Я не веду рассылку.

Я подписала получение, поставила дату и время. Лист забрала.

В переговорной сидели Илья, Софья, Нина Петровна и аудитор. Он поднялся, представился Олегом Воронцовым и сразу подвинул мне экземпляр регламента.

— Мы обозначим, какие документы запрашиваем и кто передает. Чтобы материалы не гуляли в разных версиях.

— Отлично, — сказал Илья. — Именно этого я и хочу.

Он сидел на своем обычном месте, у короткого края стола. Для меня раньше оставляли соседний стул. Сегодня там лежала сумка Софьи.

Я села напротив.

На Софье была светлая блузка с тесными манжетами. Она не смотрела на меня, пока говорила:

— Запросы должны быть консолидированными. Бухгалтерия не может тратить день на разрозненные пожелания.

— Я принесла перечень, — ответила я.

Положила листы перед Воронцовым, не перед мужем.

Илья выровнял край папки.

Нина Петровна слушала обсуждение молча. Только когда речь зашла об отдельной фиксации исходников, спросила:

— Настолько все запущено?

— Пока мы устанавливаем порядок, — ответил аудитор.

Я заметила, что он ни разу не сказал «пока беспокоиться не о чем».

Возле каждого документа в списке записали, кто и когда его передаст, где находится оригинал. Софья дважды просила продлить срок; Воронцов спокойно возвращался к следующей строке.

— Финансовые выписки идут непосредственно аудиторской группе, — уточнил Воронцов. — Техническому консультанту передается часть, необходимая для сопоставления объемов.

— Меня это устраивает, — сказала я.

Софья подняла глаза.

— Надеюсь, личные материалы никто запрашивать не будет.

— Личные материалы в задании не предусмотрены.

Воронцов сделал пометку.

Из-под ее манжеты виднелась тонкая царапина. Я помнила эту руку на воротах Ильи. Потеряла строку в перечне и нашла ее только со второй попытки.

Муж заговорил об акте номер сорок семь.

— Алина прекрасно знает систему согласования. Если ее подпись стоит, значит, были основания.

— Оригинал предъявлен? — спросил аудитор.

— Архив проверяет.

— Тогда до предъявления фиксируем наличие копии.

Илья улыбнулся.

— Не будем строить подозрения на слове «копия».

— Не будем, — согласился Воронцов. — Поэтому и нужен оригинал.

Я положила копию акта перед Воронцовым. Теперь можно было смотреть на нее, не отвечая на улыбку мужа.

Потом подписали документы по отсрочке. Нина Петровна долго читала страницу о сохранности объекта и текущих обязательствах, задавала вопросы о начислениях. Илья торопил ее взглядом, но вслух оставался терпеливым.

Девяносто дней приобрели реальные даты.

Я переписала срок в блокнот. До этого он существовал в договоре со мной; теперь стоял в документах компании.

Когда собрание закончилось, Нина задержала меня у двери.

— Ты ведь понимаешь, что это деньги всех?

— Поэтому я здесь.

— Илья говорит, у вас тяжелый период.

— У нас есть вопросы, которые я буду обсуждать отдельно.

— Все отдельно не бывает.

Она поправила ворот моего пальто. Я отступила раньше, чем она успела закончить движение.

Мы обе заметили.

— В воскресенье приезжай, — сказала Нина. — Поужинаем нормально.

Я кивнула, не обещая.

* * *

Первую партию документов передали к вечеру.

Все было аккуратно. Папки назывались правильно, приложения открывались, сканы имели хорошее разрешение. Если бы порядок на экране совпадал с порядком на стройке, я могла бы начинать выбирать цвет вывески.

Воронцов попросил сначала сверить реестр с содержимым. Мы работали в небольшой комнате аудиторской группы. Мне выделили доступ только к технической части.

Павел прислал журнал. Я открыла май, потом июнь, нашла Б-3.

По журналу в июне готовили крепления. Монтаж переносился до изменения маршрута арендаторов.

В выданной папке лежало приложение, где строка о переносе отсутствовала.

Я открыла файл заново.

Воронцов заметил паузу.

— Что-то не так?

Я показала два листа.

— Содержательно разные версии. В одной основание для переноса. В другой — нет.

— Есть дата изменения?

— В видимой части не нашла.

Он придвинул стул.

Мы полчаса сопоставляли заголовки, исходящие номера, дату письма. Я нашла в своей рабочей переписке ссылку на приложение с отметкой «редакция два». В переданном комплекте файл назывался так же, но содержал другой абзац.

— Фиксируем, — сказал Воронцов.

— Вдруг это просто перепутали при сборке?

— Тогда представят объяснение и правильный источник.

Я уже собиралась предложить подождать до завтра. Вместо этого придвинула к себе форму запроса.

В четвертой строке запроса я перечеркнула слово «подмена» и написала «расхождение».

* * *

Илья ждал меня в коридоре.

— На минутку.

Аудиторская комната оставалась открытой. Воронцов разговаривал по телефону у окна.

— Здесь? — спросила я.

— Нам обязательно при свидетелях?

Я отошла к дальнему подоконнику, но дверь оставила в поле зрения.

Муж посмотрел на меня так, будто я сделала что-то оскорбительное.

— Тебе нравится?

— Что?

— Демонстрация независимости.

За его плечом висел наш диплом за первый объект. Стекло отражало лампу.

— Мне нужны исходники, Илья.

— А мне нужно работать. Я до ночи держу компанию, а ты заставляешь людей доказывать, что они не верблюды.

— В двух версиях разный объем.

— Значит, кто-то ошибся.

— Вот и выясним.

Он понизил голос.

— Ты не понимаешь, с кем связалась. Ракитин доводит людей до того, что они сами отдают ему все и еще благодарят.

— Если у тебя есть факты по его работе с объектом, передай аудитору.

— Я с женой разговариваю.

Я посмотрела ему в лицо.

В другой день эти слова заставили бы меня смягчиться. Вспомнить, что мы должны быть на одной стороне. Сейчас я видела, как он ждет привычного поворота.

— Тогда поговорим дома. Документы — здесь.

Он убрал руку с подоконника.

— Воскресенье у мамы. Я надеюсь, ты приедешь.

— Она уже пригласила.

— И, пожалуйста, без представлений.

Я взяла сумку.

— Хорошо бы начать с правдивых документов.

Он остался у окна, пока я шла обратно.

* * *

У «Рубежа» меня попросили подождать десять минут.

Я сидела в коридоре и рассматривала небольшую трещину в штукатурке над батареей. Края были старыми, окрашенными. Когда Марк вышел, я все еще смотрела вверх.

— Опасно? — спросил он.

— Не по виду. Но красиво закрасили.

— Я передам управляющему.

— Я не жаловалась.

— А я не обиделся.

Я улыбнулась раньше, чем успела решить, уместно ли.

В кабинете он спросил о первом комплекте. Я рассказала о версиях, не делая выводов.

— Нам потребуется старый архив, — сказала я. — С историей изменений. У аудиторов уже есть запрос.

— Доступ к нему есть у вас?

— Был. Сейчас часть разделов закрыта.

— Личные копии?

— То, что я отправляла сама, сохранилось. Полной выгрузки нет.

Он подумал.

— Если попросят передать пароль другого сотрудника, не соглашайтесь. Запрос пойдет от группы.

— Я и не собиралась.

— Я уточняю до того, как кто-то предложит ускорить.

Я открыла блокнот.

— Вы тоже можете предложить.

Марк положил телефон экраном вниз.

— Тогда напомните мне этот разговор.

Я пометила это на полях рядом с перечнем доступов.

Мы просмотрели перечень. На согласование следующего осмотра ушло еще полчаса.

Марк отметил, что корпус Б пока нельзя рассматривать как отдельный расчетный блок.

— Пока? — переспросила я.

— До ваших выводов.

— Моя схема не предполагает его продажи.

— Тогда это должно быть доказано расчетом.

Я подняла голову.

— Будет.

Он кивнул и закрыл папку.

Когда я стала убирать ноутбук, выпал старый снимок. Я распечатала его для подтверждения даты первого обсуждения с арендаторами. На обороте были короткие пояснения.

Фотография упала лицом вниз. Марк поднял ее за уголок.

— Это передать в комплект?

— Да. Лица потом закроем, если пойдет за пределы проверки.

Он отдал снимок.

Я убрала снимок в папку подписью вверх. Смотреть на наши улыбки сейчас не хотелось.

* * *

Поздно вечером я позвонила Льву, нашему прежнему визуализатору.

Он переехал в другой город и давно работал сам. Мы общались в основном поздравительными картинками и ссылками на хорошие конкурсы.

— Лев, мне нужны исходные письма по «Красильне». Где я ставила задачи и принимала сцены. Без чужих файлов, только наша переписка.

— Для портфолио?

Я хотела ответить «да», чтобы не объяснять.

— Для подтверждения работы.

Он замолчал.

— Илья уже просил подготовить материалы, — сказал наконец.

— Какие?

— Ключевые картинки. Чтобы подписи убрать, новый фирменный стиль.

Я сидела на краю дивана в кабинете. За стеной работал телевизор, муж переключал каналы.

— Ты убрал?

— В экспортных файлах. Рабочие остались. Алин, я думал, вы согласовали.

— Нет.

Он тихо выругался.

— Я пришлю переписку. И могу подтвердить задачи письмом.

— Спасибо.

— У вас там что?

Я закрыла глаза.

— Пока я пытаюсь понять документы.

— Хорошо. Не буду лезть.

После звонка я составила еще одну строку в перечне источников. Напротив поставила имя Льва и дату.

Потом вернулась к выданному комплекту.

Воронцов прислал короткий ответ на наш запрос: архивная служба подтвердила наличие более ранней редакции. Ее обещали передать следующим утром.

Я открыла текущий файл.

Слово «окончательный» в названии теперь выглядело особенно неуместно.

Глава 7. Парадный сервиз

Софья открыла мне дверь квартиры Нины Петровны.

Я увидела ее раньше, чем успела убрать ключи в сумку. На ней было темное платье с длинными рукавами. В руке она держала бутылку минеральной воды.

— Проходи, — сказала она после короткой паузы.

За ее спиной из столовой донесся голос мужа:

— Приехала?

Я переступила порог.

Раньше в этом доме я сама открывала дверь гостям. Знала, куда поставить мокрые зонты, какие тапочки не жмут, где Нина держит вазу, которую не жалко дать детям сотрудников на новогоднем празднике.

Софья отступила. Я сняла пальто, повесила на свободный крючок. Сумку оставила при себе.

— Мы буквально на пятнадцать минут по финансам, — объяснил Илья, выходя в прихожую. — Мама захотела понять условия. Ты как раз вовремя.

Он хотел поцеловать меня в щеку. Я повернулась к зеркалу поправить волосы.

В отражении Софья смотрела на нас.

— Алина, руки мой и к столу! — позвала Нина.

Я пошла в ванную.

Над раковиной висело полотенце, которое мы привезли ей из поездки пять лет назад. На уголке вышили желтые лимоны. Я долго не могла вытереть руки, потому что вдруг вспомнила, как Илья торговался с продавцом и смешил меня ужасным произношением.

Я прижала полотенце к мокрым пальцам. Из столовой меня позвали снова.

Я сложила полотенце и вышла.

На столе стоял парадный сервиз с тонкой синей полосой. Нина доставала его на большие семейные даты и на переговоры, которые должны были закончиться дружбой.

Сегодня тарелок было четыре.

— Садись сюда, — сказала она, указывая на место рядом с сыном.

Я выбрала стул напротив.

Нина заметила, но ничего не сказала. Подала мне салат.

— Совсем ты исхудала.

— Вес тот же.

— Весы не все показывают.

Илья налил воды.

Софья раскрыла папку, положила рядом с бокалом. Я смотрела, как она аккуратно выравнивает листы. Мы столько раз сидели вместе за рабочими столами. Обсуждали поставки, счета, переносы. Я спрашивала, успеет ли она доехать домой пораньше, когда та жаловалась на усталость.

Никогда не интересовалась, в какой именно дом она ехала.

— При текущем графике компания выдерживает обязательства, — начала Софья. — Но дополнительные остановки оплаты создадут давление на оборотный поток.

— Дайте людям спокойно работать, — сказала Нина.

— Для этого нам и нужна подтвержденная очередность, — ответила я.

Илья улыбнулся матери.

— Видишь? Теперь у нас все по протоколу.

Я взяла вилку. На тарелке лежал огурец, нарезанный слишком тонко, чтобы удержаться на зубцах.

— Так удобнее сравнивать данные.

— Только неделя ушла на сравнение.

— И нашлись разные редакции.

— Которые мы исправляем.

Софья перелистнула страницу.

— Предлагаю не обсуждать детали отдельных актов за ужином.

Я положила вилку.

— Тогда зачем здесь папка?

Нина посмотрела на нее, затем на меня.

— Мы хотели понять общую ситуацию.

— Общая ситуация требует той же точности.

Илья прикрыл ладонью мой бокал, хотя я к нему не тянулась.

— Лин. Давай без этого тона.

Софья отвела глаза.

Софья смотрела на его руку так, будто тоже ждала, когда он ее уберет. Я вспомнила услышанное в лофте: «До пятницы никаких разговоров».

— Ты хочешь обсудить документы или мой тон? — спросила я.

— Я хочу спокойно поужинать.

— Я тоже.

Нина поднялась, принесла горячее. Движения стали резче. Крышка формы звякнула о подставку.

— Сначала едим. Потом решаем.

Мы съели по несколько кусочков в полном молчании.

На стене напротив висела фотография Ильиногo отца. Он умер, когда я уже два года была в семье. Иногда, в трудные месяцы, Нина смотрела на этот портрет и говорила, что он знал бы, как поступить.

Я поймала себя на желании, чтобы кто-нибудь сейчас пришел и знал.

Илья заговорил о новой выставке. Спросил Софью, была ли она там. Она ответила: да, хорошая.

— А мы все никак не выберемся, — сказал он мне.

Я подняла голову.

— Когда ты хочешь?

— Что?

— Выбраться. Назови день.

— Алин, я же просто...

— Просто говоришь.

Нина отложила нож.

— Что происходит?

Илья вдохнул, улыбнулся ей успокаивающе.

— У нас небольшое напряжение. Из-за работы. Я предложил ей отдых, но...

— Я видела вас в лофте, — сказала я.

Софья перестала разглаживать салфетку.

Нина посмотрела на меня, потом на сына.

Илья медленно убрал руку от бокала.

— Когда?

— В среду утром. Ты целовал Софью у кухонного острова. Она сказала, что не хочет прятать вещи, когда я приезжаю.

Звук в комнате будто отошел дальше. Я видела губы мужа, но несколько мгновений ждала слов, которые еще не появлялись.

— Ты могла зайти, — произнес он наконец.

— Могла.

— Почему не зашла?

Я смотрела на него.

Он действительно спросил это первым.

— Что бы изменилось?

— Мы поговорили бы.

— Поговори сейчас.

Нина повернулась к Софье.

— Это правда?

Та положила салфетку на стол.

— Да.

Илья резко посмотрел на нее.

— Соня.

— Она видела, Илья.

У Софьи слегка дрожали пальцы, но голос оставался ровным.

Нина отодвинула тарелку.

— Тогда тебе лучше уйти.

Софья кивнула.

Собрала папку, поднялась. Возле двери остановилась, будто хотела что-то сказать мне, но передумала.

Илья пошел за ней в прихожую. Я услышала негромкие голоса, щелчок замка.

Нина сидела очень прямо.

— Я не знала, — сказала она.

— Теперь знаешь.

Она посмотрела на накрытый стол. Ложка лежала на скатерти, оставляя маленькое влажное пятно.

— Мы все равно должны сохранить компанию.

Я медленно сняла салфетку с колен.

— Я занимаюсь этим всю неделю.

Илья вернулся.

— Можно без выводов, пока ты не знаешь всего?

— Что еще мне нужно знать, чтобы не подписывать отказ от своей работы?

— Опять работа.

— Ты положил эти документы в один конверт.

Он сел, потер лицо ладонями. Несколько секунд выглядел не красивым уверенным мужчиной, а человеком, который давно не спал.

Я знала это лицо. Раньше принесла бы воды, заставила поесть, отложила свой вопрос.

На столе стоял полный графин. Он мог налить сам.

— Я запутался, — сказал он.

Нина закрыла глаза.

— Но давай не смешивать это с бизнесом, — продолжил Илья. — У нас серьезные деньги. Обязательства. Люди. Ты сейчас идешь к Ракитину, потому что злишься на меня.

— Я иду на работу, на которую подписала договор.

— Он пользуется тобой.

— Тогда его действия тоже будут проверены.

Муж усмехнулся.

— Ты уже звучишь как он.

Я уже открыла рот, чтобы ответить мягче. Даже повернулась к нему, как поворачивалась, когда мы вдвоем оставались после трудного совещания.

— Я звучала так и раньше, — ответила я. — Просто чаще на стройке.

Нина встала, пошла к окну.

— Алина, я не прошу закрыть глаза. Я прошу не довести всех до беды.

— Мне предлагают продать долю без указанной суммы и подтвердить полный расчет, которого не было. Ты видела пакет?

Она повернулась к сыну.

— Илья?

— Это заготовка. Она должна была сначала обсудить со мной.

— Обсуждать пустую сумму мне не с чем, — сказала я.

Я достала копию, которую принесла по совету Дины, положила на край стола.

Нина прочитала. Потом еще раз, до конца.

— Так не делается, — произнесла она.

Впервые за вечер эти слова предназначались не мне.

Илья начал объяснять. Я слышала обрывки: юрист подготовил общий вариант, бухгалтерия не внесла, премия после запуска, формальная передача.

Мне стало ясно, что до ночи можно переходить от одного незаполненного поля к другому.

Я поднялась.

— Я не подпишу. Остальное по документам.

— Ты уходишь? — спросил он.

— Да.

— Мы еще не договорили.

— Сегодня хватит.

У двери Нина догнала меня с контейнером.

— Возьми хоть поесть.

Я посмотрела на крышку, на ее руки. Отказываться из принципа оказалось так же утомительно, как принимать из вежливости.

— Спасибо.

Она не отпустила контейнер сразу.

— У Ракитина мастерская отца была в нашем корпусе, — сказала тихо.

Я замерла.

— Что с ней случилось?

— Давняя история. Мы покупали комплекс, переезжать все равно пришлось бы. Обещали помочь. Не сложилось.

— Почему?

— Тогда многие обещания не складывались.

Она опустила глаза.

— Он этого не забыл.

— Отец или сын?

Нина отпустила крышку.

— Оба, наверное.

* * *

До машины я дошла спокойно.

Поставила контейнер на пассажирское сиденье, пристегнулась и не смогла нажать кнопку запуска. В сумке звенели ключи. Я достала их, переложила в карман, снова достала.

Потом заплакала.

Сгорбилась к рулю, прижала к лицу салфетки из бардачка. Они быстро размокли. Пришлось открыть окно: не хватало воздуха.

На втором этаже у Нины горел свет. За шторой двигались тени.

Я оплакивала не только утро в лофте. Вспоминала, как мы с Ильей собирали первый стол, как он спал сидя в больнице, пока я ждала врача для матери, как однажды среди ночи поехал за моей забытой папкой, чтобы я успела на конкурс.

Мне хотелось, чтобы все хорошее оказалось ложью. Тогда можно было бы вычеркнуть его ровной линией.

Но оно было.

Через некоторое время я смогла достать телефон. Открыла рабочую почту, чтобы не смотреть на чат мужа.

Там лежало короткое письмо Марка: подтвердил получение промежуточных материалов, напомнил о сроке согласования следующего осмотра. Ни вопроса, где я, ни просьбы отчитаться.

Я набрала: «Мне нужно уточнить вашу историю с корпусом Б».

Не отправила сразу.

Проверила формулировку и все-таки отправила.

Ответ пришел через несколько минут:

«Готов обсудить лично. Во вторник после осмотра подойдет?»

«Подойдет».

Я вытерла лицо и посидела еще, пока огни за стеклом не перестали расплываться.

Дома никто еще не пришел. Я отнесла контейнер в холодильник, поставила телефон на зарядку.

На экране ноутбука открыла объявления об аренде.

В фильтре «для одного человека» поставила галочку.

Глава 8. Кому здесь жить

Артем принес на встречу недоделанную ножку стола.

Поставил ее посередине старой столешницы, сел и скрестил руки. На светлом дереве еще держалась стружка. Артем смахнул ее на пол и подвинул ножку ближе к себе.

Лариса из костюмерной сняла с плеч длинный чехол. Из-под края выглядывал золотой рукав.

— Если опять все начнется с красивой картинкой, я пошла, — предупредила она.

— Не начнется, — сказала я.

На стене висел план с маршрутами. Я прикрепила его сама. Проектор даже не включала.

Пришли девять арендаторов. Еще трое прислали вопросы. Павел встал у двери, потому что свободные стулья закончились.

Марк появился уже после начала. Я показала на место возле шкафа, он остался там стоять.

— Я хочу сохранить мастерские в первом запуске, — начала я. — Для этого мне нужно понять, как вы сможете работать во время ремонта. Договоры еще предстоит согласовать с собственником.

— То есть остаться нам пока не обещают, — сказал Артем.

— Пока нет.

Лариса сняла с чехла нитку.

— Уже продвижение. В прошлом году гарантировали всем.

Я кивнула.

— Да. И я участвовала в тех разговорах. Поэтому сегодня предлагаю пройти по каждому помещению и записать условия. Что вам нужно для работы, какое время без доступа допустимо, какой срок аренды имеет смысл.

Мы начали со столярки.

Оказалось, трехдневное закрытие прохода не просто неудобно. У Артема доставка материала была привязана к определенной машине и к срокам школьного заказа. После закрытия двора нужно было нести длинные детали через помещение, где не проходили повороты.

Я исправила маршрут на плане.

Лариса сказала, что может пережить две недели шума, но не день без сухого склада.

Керамисты попросили не переносить силовую линию во время обжига.

У мастерской велосипедов основная выручка приходилась на весну, и выезд в марте означал потерю сезона.

Через час на листе почти не осталось пустого места.

— Вот это вы куда раньше смотрели? — спросила Лариса, показывая на новый маршрут.

— Смотрела на согласованный план. Недостаточно спрашивала, как вы работаете каждый день.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Ладно. Теперь спрашиваешь.

Марк сделал пометку в блокноте.

Один из арендаторов обратился к нему:

— Если компания не отдаст вам деньги, вы все равно нас уберете?

— Если денег не будет, придется возвращать долг за счет залога, — ответил он. — Сейчас ищем другой выход. Для этого и нужна отсрочка.

— Все у вас сроки.

— Да.

Артем подвинул ножку стола к самому краю. Я вернулась к плану, прежде чем разговор успел уйти от мастерских к тому, кто кого обманет.

Я вернула разговор к помещениям.

К концу встречи пять арендаторов согласились подтвердить намерение остаться при обсужденных условиях. Остальные взяли время. Лариса задержалась, когда люди начали расходиться.

— Я не из-за него остаюсь, — сказала она, кивнув на Марка.

— Я поняла.

— И не из жалости к тебе. Мне переезжать дорого.

— Тогда давай считать, как тебе здесь остаться.

Она рассмеялась.

— Вот теперь похожа на человека, который сможет с кредиторами разговаривать.

Артем забрал ножку.

— Обещание до среды помнишь?

Я показала на лист.

— Маршрут остается до отдельного согласования. Сегодня отправлю управляющему. Копию тебе.

— Тогда работаем.

Лариса попросила зайти к ней на пять минут.

В костюмерной пахло нагретой тканью и краской для кожи. Вдоль стены стояли рейлы, между ними оставался узкий проход. На манекене у окна висел незаконченный мужской камзол; одну половину уже обшили, другая еще была сметана белой ниткой.

— Видишь, где потекло? — Она показала на потолок.

Я достала телефон, но Лариса покачала головой.

— Это в журнале есть. Мне надо, чтобы ты увидела, что внизу.

Под пятном стоял шкаф с рулонами. Часть ткани завернули в пленку, часть переложили на стол. На освободившемся месте у окна швея работала почти боком, прижимая ногой пакет с обрезками.

— Мы переехали с другого этажа, пока там делали перекрытие, — сказала Лариса. — Временно. Временное у вас очень живучее.

— Где вы работали до этого?

Она провела меня в соседнее помещение. Я знала его по плану как резерв. В реальности здесь стояли четыре машинки и гладильный стол, который приходилось обходить, втягивая живот.

Я измерила проход, записала.

— Сначала защитим склад от воды. И посмотрим, куда можно переставить машинки. Завтра переселения не обещаю, но в среду приду с вариантами.

Лариса кивнула.

— Вот и пиши дату. А то я тоже клиентам говорю: будет красиво. Но на сцену они выходят в определенный вечер.

Она взяла со стола ткань и приложила к моему плечу.

— Этот цвет тебе бы пошел.

— На защиту отчета?

— На что-нибудь получше защиты отчета.

Я погладила край. Плотная шерсть была теплой от утюга.

— Мне сейчас нельзя покупать лишнее.

— Я не продаю. Примеряю глазами. Это пока бесплатно.

Мы улыбнулись. Я вернула ткань, записала номер помещения и впервые за утро добавила в список задачу, которую должна была заметить гораздо раньше.

* * *

После встречи мы с Марком помогли Павлу вернуть стулья.

В коридоре два одинаковых стула не помещались друг в друга. Марк попробовал повернуть верхний, я придержала нижний.

— Они из разных партий, — сказала я.

— Одинаковые.

— Ровно до момента, когда нужно сложить.

Он посмотрел на крепления, поставил оба отдельно.

— Хорошая модель некоторых сделок.

Я неожиданно рассмеялась.

Звук вышел громче, чем хотелось. Павел оглянулся из комнаты.

— У вас там все?

— Не все складывается, — ответила я.

Он кивнул так серьезно, что мы с Марком посмотрели друг на друга и снова улыбнулись.

Мы вышли во двор. После вчерашнего вечера воздух казался особенно прохладным.

— Сколько подтверждений вам нужно? — спросил он.

— Смотря для чего.

— Для нового кредитора.

Я подняла голову.

— Я разговаривала с контактом из «Волги». Пока предварительно.

— С кем?

— Светлана Зорина. Год назад мы сидели в одной секции по промышленным объектам.

Она тогда задала вопрос, на который я не смогла ответить.

— Поэтому запомнили?

— Да. Хороший вопрос дорого стоит.

Марк застегнул пальто.

— Они осторожные.

— Меня устраивает.

Он посмотрел на меня.

Я подумала, не задела ли его, но уточнять не стала.

— Если нужна информация по текущему долгу, передам через комнату данных, — сказал он.

— Спасибо.

— А по старой истории поговорим завтра. Я обещал.

— Помню.

Он открыл дверцу машины, но прежде чем сесть, добавил:

— Сегодня вы сказали им неудобную правду.

— Они ее и без меня знали. Только мы в презентации не оставляли места.

Марк кивнул.

* * *

Светлана Зорина позвонила вечером по видеосвязи. На фоне у нее виднелась книжная полка и сушилка с полотенцем.

— Я дома, десять минут, — предупредила она. — Так даже лучше. Не получится принять это за официальное обещание.

Я показала схему этапов. Потом лист с условиями арендаторов.

Она слушала, не улыбаясь, и задавала вопросы, на которые у меня пока не было готовых ответов.

— Сколько стоит безопасное завершение первого запуска?

— Уточняем после обследования.

— Какой доход подтвержден действующими договорами?

— Текущую базу проверяет аудитор. Сегодня получила предварительные согласия на продление.

— Намерение не равно обязательству.

— Согласна.

— Что с руководителем заемщика?

Я помолчала.

— Есть конфликт интересов, который раскрыт проверяющим. Я не руководитель компании и не представляю ее в кредитном решении.

— Тогда для чего говорите с нами?

— Прежде чем переделывать весь план, я хочу понять, что потребуется вам для решения. Светлана откинулась на спинку стула и подвинула ближе блокнот.

Я записывала, пока она перечисляла: действительные договоры, подтвержденные объемы, управляемые платежи, понятное собственное участие владельцев, отсутствие скрытых продаж ключевых частей комплекса.

— Мы не будем закрывать кассовую дыру только потому, что здание красивое, — сказала она.

— Оно еще и неудобное.

— Тогда покажите, почему все равно будет работать.

После разговора я отправила ей запись условий. Светлана вернула документ с пометкой: «Рассмотрение возможно». Я переслала его проверяющим с этой оговоркой.

* * *

Во вторник мы с Марком остались у корпуса Б после короткого осмотра.

На двери котельной еще висела старая табличка с выцветшими цифрами. Я провела пальцем по краю, не касаясь ржавого крепления.

— Нина сказала, здесь была мастерская вашего отца.

— Была.

— Почему вы не сказали раньше?

Он посмотрел на низкие окна.

— Вы приходили с техническим предложением.

— А вы спрашивали о выделении именно этого корпуса.

Марк несколько секунд молчал.

— Отец делал оборудование для красивых производств. Здесь у него были помещение и люди. Когда комплекс перешел Корнеевым, ему обещали помочь с переносом. Обещание осталось устным.

— И помощь не состоялась.

— Нет.

— Он потерял бизнес?

— Часть заказов. Оборудование. Слишком много времени ушло на попытку договориться.

Я посмотрела на закрытую дверцу за аркой.

В нашем офисе эту историю рассказывали как освобождение устаревших площадей.

— Вы поэтому стали кредитором?

— Я знал объект. Понимал, что он может стоять. И знал, с кем придется иметь дело.

— Личный счет тоже был?

— Был.

Он произнес это без попытки смягчить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.